

УДК / UDC 340

DOI: 10.34076/22196838_2025_5_64

ПРИОРИТЕТЫ СМЕСТИЛИСЬ: МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО В РОССИЙСКОМ ПРАВОПОРЯДКЕ (анализ законодательных и правоприменительных новелл)*

Нечкин Андрей Вадимович

Доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), ORCID: 0000-0002-3032-9240, e-mail: super.nechkin@gmail.com.

Лихачев Максим Александрович

Кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), ORCID: 0000-0002-6336-3496, e-mail: m.a.likhachev@gmail.com.

Кургузиов Максим Сергеевич

Кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), ORCID: 0000-0003-2645-3377, e-mail: Jurist796@yandex.ru.

Для цитирования: Нечкин А. В., Лихачев М. А., Кургузиов М. С. Приоритеты сместились: международное право в российском правовом порядке (анализ законодательных и правоприменительных новелл) // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2025. № 5. С. 64–71. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_5_64.

SHIFTED PRIORITIES: INTERNATIONAL LAW IN THE RUSSIAN LEGAL ORDER (analysis of legislative and practice developments)

Nechkin Andrey

Doctor of legal sciences, professor, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), ORCID: 0000-0002-3032-9240, e-mail: super.nechkin@gmail.com

Likhachev Maksim

Candidate of legal sciences, associate professor, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), ORCID: 0000-0002-6336-3496, e-mail: m.a.likhachev@gmail.com

Kurguzikov Maksim

Candidate of legal sciences, associate professor, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), ORCID: 0000-0003-2645-3377, e-mail: Jurist796@yandex.ru

For citation: Nechkin A., Likhachev M., Kurguzikov M. (2025) Shifted priorities: international law in the Russian legal order (analysis of legislative and practice developments). In *Elektronnoe pri-lozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 5, pp. 64–71, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2025_5_64.

17 апреля 2025 г. в рамках Дней международного права в Уральском государственном юридическом университете имени В. Ф. Яковлева кафедрами международного и конституционного права организован межкафедральный круглый стол «Международное право в российском правовом порядке». Представители кафедр обсудили следующие вопросы: 1) действие ч. 4 ст. 15 Конституции РФ в свете конституционной реформы 2020 г. и законодательных изменений 2022 г.; 2) позиции международных органов по

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00797, <https://rscf.ru/project/25-28-00797/>.

защите прав человека (Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ), комитетов ООН по правам человека) в практике российских судов (особенно Конституционного Суда РФ); 3) конституционные условия исполнения Россией решений международных органов по защите прав человека; 4) конституционный смысл гарантий ч. 3 ст. 46 Конституции РФ.

Работа круглого стола организована по двум укрупненным блокам: первый посвящен анализу вопросов, вынесенных на обсуждение, с точки зрения науки конституционного права, а второй – с точки зрения международного права.

Конституционно-правовые аспекты (А. В. Нечкин, М. С. Кургузиков)

Работа межкафедрального круглого стола началась с доклада профессора кафедры конституционного права Андрея Вадимовича Нечкина на тему «Положения ч. 3 ст. 46 Конституции РФ в современных внешнеполитических условиях: к вопросу о поиске возможных альтернатив».

Согласно ч. 3 ст. 46 Конституции, которая не может быть изменена путем принятия закона о поправке к Конституции РФ, каждый вправе в соответствии с международными договорами РФ обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства.

К сожалению, не все так однозначно с межгосударственными органами, в которые можно обратиться за защитой. Следует признать, что современная система международного права переживает непростые времена. Во многом подобное положение вещей обусловлено реализацией государствами коллективного Запада «политики двойных стандартов» в международных отношениях.

Взаимодействие между странами стремительно смещается с универсального уровня на региональный или даже групповой. Пагубное воздействие продвигаемой западными государствами «политики двойных стандартов» особенно очевидно прослеживается именно в правозащитной сфере. Прекращение действия для России европейского правозащитного механизма, довольно активно используемого ранее гражданами нашей страны для защиты своих нарушенных прав, поставило на повестку дня вопрос о формировании аналогичной евразийской системы защиты прав в рамках одной из существующих региональных организаций на постсоветском пространстве.

На научно-практических мероприятиях, организованных органами государственной власти, Ассоциацией юристов России, структурами, связанными с защитой прав человека, а также высшими учебными заведениями, довольно активно обсуждались предложения по созданию аналога ЕСПЧ – Евразийского суда по защите прав человека.

Причем ситуацию, связанную с вынужденным прекращением действия для России европейского правозащитного механизма, нередко классифицировали не иначе как создающую препятствия для эффективной реализации положений ч. 3 ст. 46 Конституции РФ, поскольку другой, схожей с ЕСПЧ, системы защиты прав человека в настоящее время, по сути, просто нет, а решения межгосударственных договорных правозащитных органов, созданных, например, на базе Организации Объединенных Наций или Содружества Независимых Государств, имеют сугубо рекомендательный характер и потому оцениваются государствами соответственно.

Полагаем, что подобная точка зрения имеет право на существование и аналог ЕСПЧ нужно и, пожалуй, единственно возможно формировать на базе Евразийского экономического союза. Хотя, например, профессор С. Ю. Марочкин предлагает на эту роль исключительно Шанхайскую организацию сотрудничества (далее – ШОС)¹.

По состоянию на апрель 2025 г. в ЕАЭС входят Россия, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Армения. Узбекистан находится в организации в качестве государства-наблюдателя. Указанные страны ранее входили в состав СССР, имеют общую историю, их правовые системы построены на схожих принципах, развиты экономические связи, налажен поток трудовой миграции.

Все пространство СНГ, а тем более ШОС или даже БРИКС, предполагает слишком широкий перечень государств, у которых с большой долей вероятности не появится

¹ Марочкин С. Ю. Международное право в российских судах: современные реалии // Российский юридический журнал. 2023. № 1. С. 29–42.

желания сформировать реально работоспособный правозащитный механизм. Очень сомнительно, что Иран, Китай, Индия и Пакистан будут готовы пойти на подобную интеграцию. Слишком они разные во всех смыслах, но особенно, конечно, в подходах к реализации прав и свобод человека и гражданина. Многие, ко всему прочему, еще и имеют давние территориальные споры между собой.

В вопросах защиты прав и свобод человека нельзя допустить расхождений в подходах к защите. Безусловно, на постсоветском пространстве государством-лидером, государством-интегратором является Россия. Именно поэтому, учитывая тесную духовно-историческую связь и достигнутый сейчас уровень экономической и политической интеграции России и Республики Беларусь, возможно, стоит начать реализацию идеи с указанных стран, с последующим присоединением других желающих из числа членов ЕАЭС.

Доцент кафедры конституционного права Максим Сергеевич Кургузиков поддержал докладчика и также отметил, что проект по созданию межгосударственного органа по защите прав человека на территории СНГ необходимо реализовать, причем начинать стоит с России и Беларуси. Впоследствии позитивная практика распространится на другие страны постсоветского пространства.

Стоит отметить, что обращение в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека – это не конечная цель заявителей. Все заявители хотят, чтобы решение органа не просто состоялось в их пользу, а еще было реализовано – исполнено именно фактически, а не юридически произошло восстановление прав. И с этим есть проблемы.

Специфика международных отношений состоит в том, что международное право отличается от национального. Ведь в случае нарушения норм национального законодательства виновное в нарушении лицо неминуемо будет нести ответственность (наказание). В международных отношениях сомнительной видится перспектива применения наказания в отношении государства. Разумеется, возможно порицание, введение санкций, но, как показывает история последних 10 лет, указанные меры не самые эффективные способы принудительного воздействия. Заставить страну исполнять решение межгосударственного органа нельзя, как физически, так и юридически, поскольку каждая обладает суверенитетом. При таких обстоятельствах можно рассчитывать только на убежденность государств-участников в необходимости исполнения решений межгосударственного органа по защите прав и свобод человека.

Вместе с тем необходимо обеспечить исполнимость положительного для заявителя решения. Это можно осуществить по правилам законодательства об исполнительном производстве и других отраслей права. Однако в России имеются некоторые сложности в законодательстве об исполнительном производстве: не все механизмы, заложенные в нем, являются рабочими, не обеспечивается реализация судебных актов. А если стоит задача исполнить решение на территории другого государства постсоветского пространства, то ситуация еще больше осложняется.

Международно-правовые аспекты (М. А. Лихачев)

Продолжая дискуссию о месте международно-правовых норм в области защиты прав человека и эффективности реальных и возможных механизмов такой защиты, доцент кафедры международного права Максим Александрович Лихачев представил доклад об оценке ситуации с позиции международного права.

Российский правопорядок остается принципиально открытым к международному праву. Часть 4 ст. 15 Конституции РФ устанавливает, что общепризнанные принципы и нормы международного права составляют часть правовой системы России, а потому подлежат прямому применению отечественными судами; в случае расхождения между требованиями ратифицированного международного договора и российского законодательства применению подлежит договорная норма. Часть 1 ст. 17 Конституции РФ гарантирует защиту прав человека и гражданина согласно тем же общепризнанным принципам и нормам международного права. Такое внутригосударственное признание международных прав человека подкреплено гарантией межгосударственной защиты от нарушений со стороны государства – через международные органы по правам человека (ч. 3 ст. 46 Конституции РФ). Ко всему прочему, отсутствие

указания в конституционном тексте на какое-либо право не может служить основанием для его умаления или неоправданного ограничения (ч. 1 ст. 55 Конституции РФ)¹.

Конституционная реформа 2020 г. коренным образом не изменила статус международно-правовых норм в российском правовом порядке. Остались прежними приведенные выше положения глав I и II Конституции РФ. Изменения коснулись лишь порядка внутригосударственного исполнения решений межгосударственных органов по защите прав человека: в том случае, если такие органы трактуют соответствующий международный договор в противоречии с конституционными нормами, Россия признает за собой право в особом порядке отказаться от исполнения таких решений (ст. 79, 125 Конституции РФ).

Некоторые преобразования в конституционном режиме осуществления международных обязательств России произошли в 2022 г. Членство России, а следом за ним и участие в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и ЕСПЧ прекращено 16 марта 2022 г.² В соответствии с федеральными законами от 11 июня 2022 г. № 180-ФЗ³ и № 183-ФЗ⁴ постановления ЕСПЧ, вынесенные с 16 марта 2022 г., не подлежат исполнению Российской Федерацией. Это значит, что выполнять решение ЕСПЧ по российским делам можно только в том случае, если оно принято до 15 марта 2022 г. включительно. Причем присужденную компенсацию по таким постановлениям можно было получить только до 1 января 2023 г.

Утрата российскими гражданами возможности защищать свои права в ЕСПЧ обратила внимание доктрины и практики на деятельность договорных органов по защите прав человека. По состоянию на 2025 г. Россия участвует в деятельности семи из девяти таких институций (кроме Комитета по защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей и Комитета по насильственным исчезновениям); компетенция по рассмотрению индивидуальных сообщений о нарушениях четырех из них признается РФ: петиции против России могут быть поданы отдельными лицами в Комитет по правам человека, Комитет против пыток, Комитет против расовой дискриминации и Комитет против дискриминации в отношении женщин.

По результатам рассмотрения таких индивидуальных петиций комитеты выносят соображения (мнения), которые формально не являются юридически обязательными для государства. Тем не менее в российском правовом порядке в отношении таких актов действует специфический нормативный режим.

В отличие от прежнего законодательного подхода к актам ЕСПЧ, в настоящее время в процессуальных кодексах РФ отсутствует указание на мнения (соображения) комитетов ООН по правам человека в качестве основания для пересмотра дела в рамках процедуры новых или вновь открывшихся обстоятельств. Однако сохраняет актуальность позиция Конституционного Суда РФ, сформулированная в 2010 г., относительно постановлений ЕСПЧ, которые какое-то время до внесения изменений в Гражданский процессуальный кодекс РФ также не служили причиной для пересмотра дела⁵. Тогда КС РФ, сославшись на право каждого на судебную защиту, обозначил, что «лицо, по жалобе которого вынесено постановление Европейского Суда по правам человека, должно иметь возможность обратиться в компетентный суд с заявлением о пересмотре вынесенных по его делу судебных постановлений и быть уверенным, что его заявление будет рассмотрено. Иное свидетельствовало бы об умалении и ограничении права каждого на судебную защиту, предполагающего конкретные гарантии, которые позволяют реализовать его в полном объеме и обеспечить эффективное восстано-

¹ Подробнее см.: Лихачев М. А. Международное и внутригосударственное право: есть ли первый среди равных? // Российский юридический журнал. 2020. № 3. С. 30–44.

² О денонсации Европейской конвенции см.: Федеральный закон от 28 февраля 2023 г. № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы».

³ Федеральный закон от 11 июня 2022 г. № 180-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

⁴ Федеральный закон от 11 июня 2022 г. № 183-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации».

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 26 февраля 2010 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А. А. Дорошка, А. Е. Кота и Е. Ю. Федотовой».

ление в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости» (п. 2.2 постановления).

Такая же логика распространения международных гарантий на право на справедливый суд по ст. 46 Конституции РФ применяется КС РФ в отношении актов правозащитных органов ООН, вынесенных по результатам рассмотрения индивидуальных петиций. Так, в определении 2012 г. по делу Хорошенко, где речь шла о внутригосударственном исполнении мнения Комитета по правам человека, Конституционный Суд РФ сформулировал следующую правовую позицию¹:

«конституционное право на судебную защиту как основное, неотчуждаемое право человека, выступающее гарантией реализации всех других прав и свобод, – это не только право на обращение в суд, но и право на эффективное восстановление нарушенных прав и свобод посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости» (п. 2);

«возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств направлено не на восполнение недостатков предшествующей обвинительной и судебной деятельности, а на обеспечение возможности исследования новых для суда обстоятельств» (п. 3);

«соображениям [Комитета по правам человека] присущи некоторые основные черты судебного решения»; «государства-участники в любом случае обязаны использовать все имеющиеся в их распоряжении средства для осуществления принимаемых Комитетом соображений» (п. 4);

«несмотря на то, что ни Международный пакт о гражданских и политических правах, ни Факультативный протокол к нему не содержат положений, непосредственно определяющих значение для государств-участников соображений Комитета по правам человека, принятых по индивидуальным сообщениям, это не освобождает Российскую Федерацию, которая признала компетенцию Комитета принимать и рассматривать сообщения от подлежащих ее юрисдикции лиц, утверждающих, что они являются жертвами нарушения со стороны Российской Федерации какого-либо из прав, изложенных в Пакте, и тем самым определять наличие или отсутствие нарушений Пакта, от добросовестного и ответственного выполнения соображений Комитета в рамках добровольно принятых на себя международно-правовых обязательств» (п. 4);

«иное не только ставило бы под сомнение соблюдение Российской Федерацией добровольно принятых на себя в рамках Международного пакта о гражданских и политических правах и Факультативного протокола к нему обязательств и тем самым свидетельствовало бы о неисполнении закрепленной статьями 2 и 17 (часть 1) Конституции Российской Федерации обязанности государства признавать и гарантировать права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, но и обесмысливало бы вытекающее из статьи 46 (часть 3) Конституции Российской Федерации право каждого обращаться в соответствии с данными международными договорами Российской Федерации в Комитет по правам человека» (п. 4).

КС РФ счел такие акты Комитета по правам человека «достаточным поводом для вынесения прокурором постановления о возбуждении производства ввиду новых обстоятельств» (п. 5)².

Конституционный Суд РФ подтвердил свою позицию относительно внутригосударственной обязательности актов правозащитных органов ООН в 2015 г. при рассмотрении дела Матвеева: на этот раз речь шла о мнении Рабочей группы по произвольным задержаниям Совета ООН по правам человека³.

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 1248-О «По жалобе гражданина Хорошенко Андрея Анатольевича на нарушение его конституционных прав пунктом 5 статьи 403, частью четвертой статьи 413 и частями первой и пятой статьи 415 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

² Обратим внимание на особое мнение судьи Н. С. Бондаря, возражающего против такой логики КС РФ и настаивающего на безусловной юридической необязательности актов комитетов по правам человека.

³ Определение Конституционного Суда РФ от 9 июня 2015 г. № 1276-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Матвеева Дениса Викторовича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

В русле такого толкования конституционных гарантий прав человека последовательно и уверенно развивается практика Верховного Суда РФ. Базовым делом, где была сформулирована правовая позиция ВС РФ по вопросу, является дело Медведевой, настаивающей на восстановлении своих прав на основании установленного Комитетом по ликвидации дискриминации в отношении женщин нарушения¹. С опорой на нормы международного права и позицию КС РФ Верховный Суд РФ пришел к выводу: «Мнение Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин, принятое по письменному сообщению гражданина Российской Федерации и содержащее рекомендации для Российской Федерации об устранении нарушений Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, обязательно для исполнения Российской Федерацией и может являться новым обстоятельством применительно к пункту 4 части 4 статьи 392 ГПК РФ для пересмотра вступившего в законную силу судебного постановления в целях соблюдения прав и законных интересов гражданина, по сообщению которого вынесено Мнение Комитета».

Таким образом, ВС РФ расширил правовой эффект актов договорных органов за счет их отнесения к категории оснований для пересмотра дела судом (а не только для инициирования соответствующего действия прокурора, как это было в позиции КС РФ).

Верховный Суд неоднократно позже подтверждал свою точку зрения². Более того, он пошел дальше, распространив оценку на акты комитетов о временных мерах. В апреле 2025 г. в кассационном определении относительно таких мер, назначенных Комитетом по правам человека, ВС РФ отметил: «Когда Комитет обращается с просьбой о принятии временных мер в соответствии с данным правилом, он указывает, что эта просьба не предполагает принятия решения в отношении приемлемости сообщения или его существа, но непринятие таких мер несовместимо с обязательством добросовестно соблюдать процедуру рассмотрения индивидуальных сообщений согласно Факультативному протоколу»; «судами не учтено, что Российская Федерация является государством-участником Международного пакта о гражданских и политических правах и Факультативного протокола к Пакту, который предусматривает процедуру рассмотрения индивидуальных сообщений в Комитете ООН по правам человека». Решение нижестоящих судов было направлено на пересмотр в связи с игнорированием постановленных Комитетом по правам человека временных мер.

Таким образом, акты договорных органов ООН по защите прав человека в части установленных нарушений России по индивидуальным сообщениям и даже их постановления относительно временных мер подлежат обязательному исполнению российскими правоприменительными органами. Подобная позиция высших судов заслуживает высокой оценки. В этой части подход России существенно отличается от положения в большинстве государств, оценивающих акты договорных органов ООН по правам человека исключительно формально³.

Несколько слов касательно постановлений ЕСПЧ в текущих (по состоянию на 2025 г.) условиях.

Во-первых, Европейский Суд продолжает принимать жалобы по российским делам, связанным с заявленными нарушениями Европейской конвенции, имевшими место до 16 сентября 2022 г.⁴ Имея в виду процессуальные сроки и процедурные особенности, некоторые из таких дел могут доходить до ЕСПЧ и в течение ближайших лет, а с учетом сроков рассмотрения дел Судом отдельные жалобы по событиям до

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 24 июля 2017 г. № 46-КП7-24.

² См., например: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 декабря 2021 г. № 43 «О применении судами норм главы 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств по заключению прокурора».

³ Детальный обзор практики разных государств в этой области см.: The Impact of the United Nations Human Rights Treaties on the Domestic Level: Twenty Years On / ed. by C. Heyns, F. J. Viljoen, R. Murray. Leiden; Boston: Brill/Nijhoff, 2024.

⁴ Resolution of the European Court of Human Rights on the consequences of the cessation of membership of the Russian Federation to the Council of Europe in light of Article 58 of the European Convention on Human Rights 22 March 2022. URL: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/Resolution_ECHR_cessation_membership_Russia-CoE_ENG (дата обращения: 30.05.2025).

16 сентября 2022 г. могут рассматриваться и в начале следующего десятилетия. Однако важно понимать, что в соответствии с упомянутыми федеральными законами от 11 июня 2022 г. № 180-ФЗ и № 183-ФЗ любые постановления ЕСПЧ, вынесенные с 16 марта 2022 г., исполнению в России не подлежат.

Во-вторых, доступ к ЕСПЧ сохраняется для российских граждан по жалобам против любых других государств, кроме России, участвующих в работе Европейского Суда. Сегодня таких стран 46, и кроме европейских стран (за исключением Республики Беларусь и теперь России), это еще и некоторые государства Азиатского региона (Азербайджан, Армения, Турция).

В-третьих, несмотря на прекращение участия России в Европейском Суде, ЕСПЧ продолжает работу и остается частью системы международного права. Он по-прежнему толкует Европейскую конвенцию по правам человека и тем самым участвует в установлении содержания так называемых международных стандартов по правам человека. Конечно, далеко не все решения Суда могут претендовать на универсальное признание и всеобщую поддержку, однако по многим базовым принципам, касающимся, например, личной неприкосновенности, запрета пыток и рабства, права на жизнь, защиты собственности, практика ЕСПЧ может быть принята в расчет другими международными органами в области защиты прав человека. Среди последних – указанные договорные органы ООН. Россия также активно вовлечена в работу Совета по правам человека в ООН, в системе которого есть механизмы, доступные индивидуальным заявителям.

В-четвертых, показательным для оценки общего контекста явилось постановление Президиума ВС РФ (декабрь 2024 г.) о возобновлении производства по уголовному делу ввиду постановления ЕСПЧ¹. И хотя речь шла об имплементации постановления ЕСПЧ, вынесенного до 2022 г., в 2024 г. по инициативе Председателя ВС РФ состоялось разбирательство и были сформулированы общие выводы относительно режима применения меры пресечения в виде домашнего ареста с учетом практики Совета Европы.

Таким образом, прямой доступ российских граждан к ЕСПЧ сегодня существенно ограничен юридически, однако сохранены возможности косвенного влияния его практики на российскую правовую систему.

Несмотря на масштабную конституционную реформу 2020 г. и законодательные новеллы 2022 г., российский правопорядок остается принципиально открытым для норм международного права: конституционный смысл и содержание базовой ч. 4 ст. 15 Конституции РФ остались неизменными, а российские судебные органы в целом продолжают следовать международно-правовым обязательствам России. Более того, российские высшие суды (Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ) последовательны в своей оценке места решений органов по защите прав человека, компетенцию которых признает государство: мнения соответствующих договорных органов ООН, установивших нарушение Россией прав человека, и даже акты таких органов относительно временных мер обязательны для внутригосударственного исполнения.

Выход России из Совета Европы в 2022 г. существенно повлиял на арсенал доступных гражданам средств международной защиты прав человека, однако сегодня в некоторой степени такие перемены могут быть компенсированы правозащитными институциями ООН. Положительный тренд, намеченный высшими судами, на благоприятное отношение к решениям этих институций в российском правопорядке может стать существенным условием обеспечения конституционных гарантий права на судебную защиту (ч. 3 ст. 46 Конституции РФ).

Список литературы

Лихачев М. А. Международное и внутригосударственное право: есть ли первый среди равных? // Российский юридический журнал. 2020. № 3. С. 30–44.

Марочкин С. Ю. Международное право в российских судах: современные реалии // Российский юридический журнал. 2023. № 1. С. 29–42.

¹ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 18 декабря 2024 г. № 23-П24 «О возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств».

The Impact of the United Nations Human Rights Treaties on the Domestic Level: Twenty Years On / ed. by C. Heyns, F. J. Viljoen, R. Murray. Leiden; Boston: Brill/Nijhoff, 2024. 1361 p.

References

Heyns C., Viljoen F. J., Murray R. (Eds.) (2024) *The Impact of the United Nations Human Rights Treaties on the Domestic Level: Twenty Years On*. Leiden, Boston, Brill/Nijhoff, 1361 p.

Likhachev M. A. (2020) Mezhdunarodnoe i vnutrigosudarstvennoe pravo: est' li pervyi sredi ravnnykh? [International and Domestic Law: Is There a First Among Equals?]. In *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 3, pp. 30–44.

Marochkin S. Yu. (2023) Mezhdunarodnoe pravo v rossiiskikh sudakh: sovremennye realii [International Law in Russian Courts: Contemporary Realities]. In *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 1, pp. 29–42.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.04.2025

Дата принятия рукописи в печать: 25.05.2025